НЕПРАВОВОЙ ЗАКОН: ПРОБЛЕМЫ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

С.В. Бирюков¹, Т.А. Бирюкова²

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

²Главное государственное правовое управление Омской области, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

13 октября 2018 г.

Дата принятия в печать –

14 декабря 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 января 2018 г.

Рассматривается термин «неправовой закон», использующийся в рамках различных концепций правопонимания для характеристики принципиально дефектных законов. Анализируются подходы к данному понятию, оцениваются критерии, которые предлагаются для выделения неправовых законов, затрагиваются проблемы их выявления и применения в Российской Федерации.

Ключевые слова

Неправовой закон, неправое,
принципы права,
справедливость, эффективность
права, законность нормативного
правового акта, ничтожный
правовой акт, оспоримый
правовой акт

NON-LEGAL RULES: PROBLEMS OF THEIR DETERMINATION AND ENFORCEMENT (THEORETICAL ASPECT)

Sergey V. Biryukov¹, Tatyana A. Biryukova²

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

²General State Legal Department of Omsk Region, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 October 13

Accepted – 2018 December 14

Available online – 2019 January 20

Keywords

Non-legal rule, non-law, principles
of law, justice, effectiveness of
law, legality of a regulatory legal
act, void legal act, contestable
legal act

The subject of the paper is the approaches to the concept of “non-legal rules”.

The main aim of the paper is to confirm or disprove the hypothesis that rules become non-legal when they contradict the principles of law and are totally ineffective.

The description of methodology. The authors apply methodology of different legal theories: natural law, libertarian-legal, sociological, communicative, normative and integrative approaches to law, using formal logical and sociological research methods (observation method). The formal-legal method is also used with regard to characteristics of particular Russian laws.

The main results and scope of their application. Legal rule may be unlawful for an external observer – in coordinates of another legal system or in comparison with law in a social sense.

From the point of view of the internal observer, including the law enforcer, the following rules are non-legal: 1) regulations that were adopted, but initially or later it was officially recognized that they contradict the principles of law and the rules of higher legal force; 2) rules that could not be applied principally or that were not implemented until their cancellation.

Many rules widely assessed as unfair, immoral, not consistent with the principles of law could be a part of the current system of law for a long time and could not be officially qualified as defective. Most of the very ineffective rules are still implemented selectively, some of them become quite effective in the future. Rules that are obviously not in conformity with acts of higher legal force may not be recognized as illegal officially because of various reasons. All of the non-legal rules, however, are very problematic for the law enforcement officials in several respects:

– they may come into conflict with other regulatory systems of social regulation, including other social law of large (significant) groups and organizations, such situation entails difficulties in their legitimation and implementation;

– they may come into conflict with other acts (rules, legal principles) within this or a related system of legal law;

– they can be canceled (invalidated) in future, inter alia from the moment of their adoption.

Conclusions. Rules are also potentially illegal, when they: 1) clearly contradict the principles of law and the rules of higher legal force; 2) are extremely ineffective. Such acts of lawmaking are very problematic from the point of view of their legitimation and implementation. Such acts are relatively common in Russian reality. The orientation of the practice to check their legal nature within the framework of the norm control is important for movement towards effective, fair and non-contradictory law, and not in the opposite direction.

1. Подходы к понятию «неправовой закон»

В отечественной юриспруденции проблема дефектного акта правотворчества затрагивается в разных аспектах.

В литературе, специально посвященной дефектам правотворчества (правотворческим ошибкам), отдельно выделяются дефекты правотворческой политики и юридической техники [1, с. 100]. Среди обеих разновидностей дефектных актов есть такие подвиды, которые традиционно привлекают особое внимание. Например, характерным дефектом на уровне правотворческой политики всегда признавался «излишний закон», изначально не годный к тому, чтобы изменить общественные отношения к лучшему. Уже в классической работе Г. Спенсера имеются в виду по преимуществу такие «грехи законодателей» [2, с. 82–139]. Одним из наиболее серьезных и типичных дефектов юридической техники всегда признавалось включение в текст акта неоднозначного, противоречивого положения.

Излишний или противоречивый закон остается в юридической практике в большинстве случаев обязательным к применению правовым актом. Вместе с тем некоторые акты в силу их принципиальной дефектности многие авторы вообще отказываются называть правовыми и, как следствие, общеобязательными. Они употребляют термин «неправовой закон», при этом имея в виду все принципиально дефектные акты правотворчества, в том числе нормативные правовые акты, принятые в различной форме. Здесь возникает целый ряд вопросов, в том числе: существуют ли такие акты, каковы критерии их выделения.

В рамках различных типов правопонимания даются разные ответы на данные вопросы.

Наиболее типична эта проблема для естественно-правового подхода к праву, в котором под неправовым законом, понимается в зависимости от

используемых посылок *аморальный закон, закон, противоречащий естественным правам человека, несправедливый закон, крайне несправедливый закон* и т. п. Широко известны, например, рассуждения Г. Радбруха: «Невозможно (по смыслу – однозначно. – С. Б.) разграничить случаи “законодательного неправа” и закона, действующего вопреки своему несправедливому содержанию. Зато можно четко определить: когда к справедливости даже не стремятся, когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе, тогда закон не является лишь «несправедливым правом», но даже более того – он является неправовым по своей природе» [3, с. 234].

Либертарный подход продолжает линию юснатурализма в версии Г. Гегеля, в которой естественное право не противопоставляется позитивному, а объявляется разумной его основой, и вводится категория «неправо». Стоит согласиться с Е.В. Тимошиной, в том, что либертарная теория может быть охарактеризована как «монистическая деонтологическая антропоцентристская теория естественного права с исторически изменяющимся содержанием» [4, с. 58]. Понятие «неправо», использованное Гегелем для характеристики проявлений особенной, индивидуальной воли, оказалось удобным для применения к ситуации, когда государственный аппарат выражает в форме закона особенные интересы, противоречащие интересам всеобщим (об этом: [5, с. 74]). Собственно, В.С. Нерсесянц оказался одним из тех исследователей, кто использовал эту возможность. В результате неправовым стал считаться *закон, не отвечающий принципам формального равенства, правовой свободы и справедливости и (или) всеобщему интересу*. При этом вопрос разграничения права и закона стал квалифицирующим признаком, отличающим подлинную юриспруденцию от легизма. Уже в работе 1983 года В.С. Нерсе-

сянц писал о том, что различие права и закона «проводит принципиальную грань между концепциями двух противоположных типов правопонимания» [6, с. 360].

Социологический подход к праву выдвигает на первый план реальную способность нормативного положения воплотиться в общественные отношения. В этой связи закон, который не реализуется на практике, правом не признается. Приведем здесь известное высказывание Е.Б. Пашуканиса: «Если был издан только закон или декрет, но соответствующих отношений не возникло, значит, была попытка создать право, но эта попытка не удалась» [7, с. 26]. Поэтому для этого подхода правообразование не заканчивается с окончанием правотворчества и вступлением закона в силу. Необходима еще его легитимация, «социализация позитивного права» [8, с. 10]. Продолжением этой линии можно считать и коммуникативный подход, для которого норма права существует, если она «находится в рамках коммуникации между отправителем и получателем» [9, с. 271].

Сторонники «чистого» юридического позитивизма, по понятным причинам сравнительно редко используют термин «неправовой закон». Так, по М.И. Байтину, положение об антиправовой законности не может восприниматься иначе, чем нонсенс: «какая же это законность, если она «антиправовая»?». Эта «словесная манипуляция» утверждает он, противоречит тезису о единстве правопорядка и отрицательно влияет на подготовку будущих юристов, прежде всего работников правоохранительных органов» [10, с. 310, 314–315]. Вместе с тем думается, что один случай неправового закона последовательными нормативистами не может не признаваться. Речь идет о *принятом законе, который официально признан не соответствующим актам более высокой юридической силы*. В этом плане логичным является учение Г. Кельзена, согласно которому право, беря свое начало в международном правопорядке и в конституции, конкретизируется от одной ступени к другой вплоть до судебных и административных решений. Следовательно, каждый уровень правопорядка является и продуктом правотворчества, и правоприменением («репродукцией права») по отношению к уровню вышестоящему. В этом смысле исполнительный акт и закон могут быть неправомерными [11], по существу, неправовыми.

Широкое или интегративное правопонимание в действительности представлено различными подходами в зависимости от того, на базе какого первичного подхода (подходов) оно образуется. Так, в од-

ном, достаточно типичном для отечественной науки, случае широкое правопонимание – это расширение нормативного подхода. Как правильно подметил В.С. Нерсисянц, цепочка, начинающаяся с «должного» и состоящая из его модификаций (норма законодательства – законоотношение – законосознание как модусы официального), остается на уровне «должного» [6, с. 353]. При таком подходе выводы нормативизма относительно неправового закона не претерпевают изменения.

В другом случае делается реальная попытка совместить разные представления о праве. Сошлемся, например, на известное сегодня определение права Р. Алекси [12, с. 157]. Из него можно вывести, что к числу неправовых законов немецкий правовед относит: 1) *крайне несправедливый закон*; 2) *закон, который в принципе не может быть реализован*; 3) *неконституционный закон*. Как видим, этот подход наследует отдельные положения юснатурализма, «социологизма» и нормативизма. Подобный синтез в той или иной мере характерен и для некоторых отечественных правоведов. Так, для М.М. Борисевича формальное равенство, правовая свобода и справедливость как критерии правового закона, правильно разработанные в либертарно-юридическом учении, должны быть дополнены таким прагматическим критерием как эффективное исполнение закона [13, с. 63].

Предпринятый обзор правовых учений показывает, что термин «неправовой закон» не является простым оборотом речи. Он логично используется в рамках различных концепций правопонимания для характеристики принципиально дефектных законов. Данный термин оказывается, по существу, синонимичным словосочетанию «ничтожные (в том числе, нормативные. – С. Б.) правовые акты», которое также используется в отечественном правоведении [14, с. 549, 550; 15, с. 8, 17–19]. Правда, первое понятие производно от естественно-правового подхода, второе же вводится в рамках юридического позитивизма.

2. Неправовой закон с позиции, принятой в другой системе права

Мы в дискуссии о правопонимании исходим из того, что в различных гуманитарных науках возможно различное понимание права. Такое мнение в советское время обоснованно высказывалось И.Е. Фарбером [16, с. 59]. Понятия права, характерные для различных наук (юриспруденции, социологии, психологии, этики и т. д.), должна синтезировать

социальная философия, предлагая обобщенное представление о праве.

Это обобщенное представление должно, видимо, включать, как юридическое, официальное право конкретного государства и других государств, международное право, так и иное право (*право в социальном смысле*), характерное для первобытного общества и отдельных групп и организаций современного общества, способных в силу различных причин формировать и поддерживать корпус собственных правовых норм (см. подробнее: [17; 18]). В связи с этим совершенно очевидно, что юридический закон может являться неправовым с внешней точки зрения: с позиции, принятой в другой системе юридического права (в другом государстве) или в ином социальном праве (в отдельной социальной группе (организации) внутри общества).

Широко известно, скажем, что российские нормативные акты, связанные с присоединением Крыма к России, являются неправовыми для официальной Украины, также как украинское законодательство о «временно оккупированных территориях» является таковым для Российской Федерации. Менее известно, что Русская православная церковь официально допускает возможность отказать государству в повиновении греховным законам, если «человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной» [19].

Эта позиция не превращает правовой закон в неправовой для юриста или иного «внутреннего» наблюдателя, но сама возможность подобной оценки права не вызывает сомнения. Иногда такая оценка опасна, а иногда, напротив, плодотворна и ведет, в конечном счете, к развитию права.

3. Критерии неправового закона с точки зрения внутреннего наблюдателя (правоприменителя)

Что же касается проблемы неправового закона внутри конкретной системы юридического права, то здесь должна учитываться общественная юридическая практика как критерий научной истины для юриспруденции.

Применительно к проблеме неправового закона эта практика однозначно убеждает в следующем.

1. Встречаются такие акты, которые были приняты, но изначально или позднее было официально признано, что они противоречат принципам права и нормам более высокой юридической силы, как по содержанию, так и с точки зрения нарушения процедуры или компетенции при их принятии.

2. Встречаются такие акты, реализация которых в принципе невозможна или которые не реализовывались вплоть до их отмены.

В первом случае имеются в виду акты, изначально недействующие в силу указания нормативного акта более высокой юридической силы или действовавшие, но признанные недействующими со дня принятия в порядке судебного или иного нормоконтроля. Скажем, часть четвертая статьи 8 Трудового кодекса Российской Федерации, часть 4 статьи 30 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» прямо говорят, что определенные локальные нормативные акты в сфере трудовых и образовательных отношений, несмотря на их существование, не подлежат применению.

В качестве типичного случая для второго пункта укажем на закон, который нарушает объективные пределы правового регулирования (например, в связи с тем, что норма устарела и все возможные субъекты соответствующих правоотношений уже отсутствуют). Так, отсутствуют, скорее всего, субъекты, на которых распространяется нормы о ветеранах боевых действий в части участников гражданской войны 1918–1922 годов, сформулированные в Федеральном законе от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» (см. статью 3, приложение к закону).

Данного рода акты, продолжая сложившуюся традицию словоупотребления, можно определить не только как дефектные и ничтожные, но и как *неправовые*. Одним из признаков права является общеобязательность. Поэтому невозможно назвать правом то, чему официально отказано в общеобязательности, а также то, что в принципе не могло или не смогло стать общеобязательным.

4. Критерии потенциально неправового закона

С другой стороны, юридическая практика свидетельствует, что:

1. Многие широко оцениваемые как несправедливые, аморальные, не соответствующие принципам права нормы могут длительное время являться частью действующей системы юридического права и не квалифицироваться официально как дефектные.

2. Большинство весьма неэффективных законов избирательно все же реализуются, некоторые из них в последующем становятся вполне эффективными.

3. Акты, очевидно не соответствующие актам более высокой юридической силы, могут в силу раз-

ных причин не признаваться таковыми официально и активно применяться.

4. Все соответствующие акты правотворчества, тем не менее, являются весьма проблемными для правоприменителя по нескольким параметрам:

- они могут вступать в противоречие с иными нормативными системами социального регулирования, включая иное социальное право больших (значимых) групп и организаций, что влечет сложности при их легитимации и реализации;

- они могут вступать в противоречие с иными актами (нормами, принципами) внутри данной или смежной системы юридического права, что также чревато их нереализацией;

- они в будущем могут быть отменены (признаны недействующими), в том числе с момента принятия.

Игнорирование этих проблемных аспектов может привести к негативным последствиям.

Подобного рода акты сравнительно часто встречаются в российской действительности.

Так, по нашему, возможно субъективному, мнению, к их числу можно отнести, некоторые новации в пенсионной сфере, в том числе, Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» в части отмены индексации пенсий работающим пенсионерам. Он, очевидно, противоречит конституционному принципу равенства граждан перед законом. Факт последующей компенсации этой отмены единовременной выплатой фактически означает как неявное признание произвольности отмены индексации пенсий для данной категории, так и то, что социальная эффективность данного правила оказалась сомнительной.

Отдельные санкции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются, как известно, вполне «драконовскими». Например, неуведомление (и даже нарушение формы или срока уведомления) уполномоченного органа о заключении (расторжении) трудового или гражданско-правового договора с иностранным гражданином, влечет административный штраф на юридических лиц в размере от 400 до 800 тысяч рублей (часть 3 статьи 18.5). Аналогичные действия, связанные с неуведомлением образовательной организацией о факте обучения, предоставлении академи-

ческого отпуска, отчислении в отношении иностранного студента влекут штраф от 500 до 800 тысяч рублей (статья 18.9). При этом незаконный прием на работу или обучение иностранного гражданина образуют иные административные составы. На практике в одном из «безалаберных» вузов было выявлено около сотни нарушений формы и сроков подобных уведомлений в отношении различных студентом, что, если исходить из буквы закона, должно было повлечь отдельные штрафы за каждое правонарушение на вполне астрономическую итоговую сумму. Практическим компромиссом между законностью и справедливостью наказания оказалось оформление протокола о факте одного правонарушения, включающего 95 эпизодов. Надо ли говорить, что этот компромисс, устроивший как уполномоченный орган, так и образовательную организацию, сам противоречит законодательству?

Согласно статье 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий и членам его семьи» бывший Президент Российской Федерации не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации. При этом он может быть лишен данной неприкосновенности в особом порядке лишь в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления. Получается, что за совершенные им административные правонарушения, преступления небольшой, средней степени тяжести это лицо никакой юридической ответственности понести не может, что явно противоречит и известному общеправовому принципу, и части 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации. Это не говоря о том, что о существовании особо тяжких преступлений законодатель здесь явно забыл.

Аналогичные нормативные правовые акты и конкретные нормативные положения часто оцениваются в юридической, научной, научно-популярной периодике как неправомерные [20, 21]. Это, с одной стороны, свидетельство востребованности критического потенциала естественно-правовой (либертарно-юридической) и социологической (коммуникативной) концепций, с другой – обоснованная или отчасти обоснованная негативная оценка нормативного акта, формальное или диалектическое его отрицание [22].

Собственно юридическая оценка соответствующих актов неизбежно должна являться более осто-

рожной, поскольку только официальный субъект способен выразить легальную позицию относительно статуса спорного акта. Конкретный правоприменитель может иметь собственное мнение или разделять преобладающее общественное мнение, но не должен подменять ими требования закона.

Однако, и в рамках формального юридического подхода подобного рода акты, если их дефектность носит *явный* для многих субъектов характер, вполне можно и нужно определять не просто как оспоримые [14, с. 551; 15, с. 8], а именно как *потенциально неправовые*. Вряд ли можно считать, что такой взятый в отдельности весьма абстрактный принцип права как справедливость является признаком права, но принципы права в целом, отражающие и определенные общепризнанные в обществе моральные ценности, выступают матрицей, отличающей правовой подход от неправового. Поэтому явно не отвечающие принципам права или встречающие резкое неприятие в обществе акты следует соотносить с правовой дисфункцией, при которой юридическое право выполняет несвойственные ему в идеале социальные функции (в частности, вместо интеграции общества ведет к его дезинтеграции).

5. Выводы

В целом мы считаем потенциально неправовыми такие нормативные акты, которые: 1) явно противоречат принципам права и нормам более высокой юридической силы; 2) крайне неэффективны.

Подобная интерпретация указанных актов не противоречит тезису о единстве правопорядка. Она должна ориентировать практика на проверку правовой природы данных актов, что чрезвычайно важно для движения в сторону эффективного, справедливого и непротиворечивого права, а не в обратную сторону. При этом мы полагаем, что если подобный акт в ходе официальной проверки будет ошибочно признан соответствующим актам более высокой юридической силы, это не лишает данный акт признаков оспоримости и потенциально неправовой природы. Практика показывает, что, иногда спорные акты можно подвергнуть и повторной проверке.

Сегодня в юридической литературе широко представлено мнение, что современное юридическое право вобрало в себя естественно-правовое начало. Так, В.М. Шафиров характеризует его как «естественно-позитивное» [23], в ряде работ В.Д. Зорькина с этим, по существу, связывается абсолютная ценность Конституции Российской Федерации [24, с. 11–47]. Это вполне логичное представление, изначально связано с невозможностью удвоения конкретной юридической системы (ее разделения на отдельные позитивное и естественное право) и со стремлением к совершенству права через правотворческую деятельность. В то же время оно не должно приводить к обманчивому ощущению совершенства существующей системы права.

В подлинном естественно-позитивном праве на место фактического представления о полной свободе правотворчества должна заступить хорошо известная мысль о том, что принципы права, в том числе отраженные в конституции страны, имеют реальную правотворческую и правоинтерпретационную функцию, являются критерием правового закона. Кроме того, в случае принятия принципиально неэффективного закона он должен быть устранен из системы законодательства. В этой части естественный и социологический подходы к праву могут и должны быть востребованы.

В России, безусловно, сложилась определенная система судебного и иного нормоконтроля, как в части нормативных требований к ней, так и в части реальной правоприменительной практики. Однако, во всех сложных случаях практический результат нормоконтроля сильно зависит от толкования права, которое и предопределяет, будет ли акт признан соответствующим акту, имеющему большую юридическую силу. Хотелось бы, чтобы практика этого толкования всегда основывалась бы не просто на интересах стабильности и буквальном прочтении конкретных норм, имеющих более высокую юридическую силу, но и на выявлении смысла принципов права и развитии представлений о них. Только в таком случае можно говорить о подлинном нормоконтроле. Благо, порой встречаются такие примеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков С.В. Правотворчество и основы юридической техники / С.В. Бирюков. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. – 148 с.
2. Спенсер Г. Личность и государство / Г. Спенсер. – Челябинск: Социум, 2007. – 207 с.
3. Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право / Г. Радбрух // Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух – М.: Международные отношения, 2004. – С. 228 – 238.

4. Тимошина Е.В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права / Е.В. Тимошина // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 57–82.
5. Сокольникова В.А. Понятие неправа в философии Гегеля / В.А. Сокольникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 71–74.
6. Нерсисянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений / В.С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1983. – 366 с.
7. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пашуканис. – М.: Наука, 1980. – 270 с.
8. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Трофимов. – СПб., 2011. – 50 с.
9. Хук М. Право как коммуникация / Марк ван Хук. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Универ. издат. консорциум», 2012. – 288 с.
10. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.
11. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция). Часть 1 / Г. Кельзен // Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 5–14.
12. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
13. Борисевич М.М. Критерии разграничения правовых и неправовых законов / М.М. Борисевич // Закон и право. – 2016. № 5. – С. 60–63.
14. Толстик В.А. Презумпция законности нормативных правовых актов / В.А. Толстик // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 546–551.
15. Каменева Е.Н. Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Каменева. – М., 2002. – 24 с.
16. О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 56–74.
17. Бирюков С.В. Понятие права между юриспруденцией и социологией / С.В. Бирюков // Lex Russica. – 2017. № 9. – С. 9–21.
18. Бирюков С.В. К вопросу о правовом плюрализме / С.В. Бирюков // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 15–26.
19. Пункты III.5 и IV.3 Основ социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>; дата обращения: 11.11.2018.
20. Ходжаева Е. Закон неправовой, но это закон / Е. Ходжаева. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/30/647374-zakon-nepravovoi-no-eto-zakon> (дата обращения: 11.11.2018).
21. Мельник В. Зорькин признал ценность Конституции и свое бессилие / В. Мельник. URL: <http://sim-kr.ru/News/15531> (дата обращения: 11.11.2018).
22. Бирюков С.В. Отрицание права как теоретико-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Бирюков. – Омск, 2009. – 22 с.
23. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. – 260 с.
24. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. – 594 с.

REFERENCES

1. Biryukov S.V. Lawmaking and the foundations of legal engineering. Omsk, Omsk University Publ., 2016. 148 p (In Russ.).
2. Spenser G. Personality and State. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. 207 p. (In Russ.).
3. Radbruch G. Philosophy of law. Moscow, 2004. 238 p. (In Russ.).
4. Timoshina E.V. Dividing thesis of libertarian legal theory and the basis of the validity of law. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 57–82. (In Russ.).
5. Sokolnikova V.A. The concept of non-law in the philosophy of Hegel. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013, no 6, pp. 71 – 74. (In Russ.).

6. Nersesyants V.S. Law and statute: from the history of legal doctrines. Moscow, Norma Publ., 1983. 366 p. (In Russ.).
7. Pashukanis E.B. Selected works on the general theory of law and state. Moscow, Norma Publ., 1980. 270 p. (In Russ.).
8. Trofimov V.V. Legal education in modern society: theoretical and methodological aspect. Doct. Diss. Thesis. Saint-Petersburg, 2011. 50 p. (In Russ.).
9. Van Hoek M. Law as communication. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2012. 288 p. (In Russ.).
10. Bajtin M.I. The essence of law (modern regulatory legal thinking on the verge of two centuries). Saratov, Saratov Academy of Law Publ., 2001. 416 p. (In Russ.).
11. Kelzen G. Judicial guarantee of the Constitution (constitutional justice). Part 1. Pravo i politika, 2006, no 8, pp. 5 – 14. (In Russ.).
12. Alexi R. The concept and validity of law (response to legal positivism). Moscow, Infotropic Media 2011. 192 p. (In Russ.).
13. Borisevich M.M. Criteria for distinguishing legal and non-legal laws. Zakon i pravo. 2016, no 5, pp. 60 – 63. (In Russ.).
14. Tolstik V.A. Presumption of legality of regulatory legal acts. Yuridicheskaya tekhnika. 2010, no № 4, pp. 546 – 551. (In Russ.).
15. Kameneva E.N. Defect Acts of the Legislative and Executive Authorities. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 24 p. (In Russ.).
16. On the understanding of Soviet law. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979, no 7, pp. 56 – 74. (In Russ.).
17. Biryukov S.V. The concept of law between jurisprudence and sociology. Lex Russica. 2017, no 9, pp. 9 – 21. (In Russ.).
18. Biryukov S.V. On the issue of legal pluralism. Zhurnal rossijskogo prava, 2016, no 2, pp. 15 – 26. (In Russ.).
19. Paragraphs III.5 and IV.3 of the Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>; 11.11.2018. (In Russ.).
20. Hodzhaeva E. The law is not legal, but it is the law. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/30/647374-zakon-nepravovoi-no-eto-zakon>; 11.11.2018. (In Russ.).
21. Melnik V. Zorkin recognized the value of the Constitution and his powerlessness. URL: <http://simkr.ru/News/15531>; 11.11.2018. (In Russ.).
22. Biryukov S.V. Denial of law as a theoretical legal category. Cand. Diss. Thesis. Omsk, 2009. 22 p. (In Russ.).
23. Shafirov V.M. Naturally positive law: an introduction to the theory. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ., 2004. 260 p. (In Russ.).
24. Zorkin V.D. Russian Constitution in the 21st Century. Moscow, Norma Publ., 2008. 594 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: svbir@mail.ru
SPIN-код: 2496-9382; AuthorID: 195718

Бирюкова Татьяна Александровна – советник
Главное государственное-правовое управление
Омской области
644007, Россия, г. Омск, ул. Кемеровская, 115
e-mail: tabir84@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey V. Biryukov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: svbir@mail.ru
SPIN-code: 2496-9382; AuthorID: 195718

Tatyana A. Biryukova – consultant
General State Legal Department of Omsk Region
115, Kemerovskaya ul., Omsk, 644007, Russia
e-mail: tabir84@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков С.В. Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) / С.В. Бирюков, Т.А. Бирюкова // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 16–24. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov S.V., Biryukova T.A. Non-legal rules: problems of their determination and enforcement (theoretical aspect). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 16–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24. (In Russ.).